

Галина Сафонова-Пирус

Рассказы

Галина Сафонова-Пирус

Рассказы

«Издательские решения»

Сафонова-Пирус Г. С.

Рассказы / Г. С. Сафонова-Пирус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-0050-8009-7

Свидания с друзьями или случайные встречи, воспоминания... Всё это «оседает» в душе, со временем приобретая иные оттенки и краски. И об этом — в моей книге.

ISBN 978-5-0050-8009-7

© Сафонова-Пирус Г. С.
© Издательские решения

Содержание

Малый каминчик	6
Выкупленная радость	9
«Говорящие» вещи	14
Старые деревья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рассказы

Галина Сафонова-Пирус

© Галина Сафонова-Пирус, 2019

ISBN 978-5-0050-8009-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Малый каминчик

По истёртым до дыр ступенями деревянной лестницы мы спускаемся к улице, протянувшейся вдоль Десны и моя спутница, доверчиво придерживаясь за хлипкие перильца, смотрит под ноги и всё молчит, молчит. Да, не виделись с десятков лет, теперь же за два дня вроде бы обо всём переговорили... вернее, она, а для меня «разговоры» только начинаются, ибо знаю: услышанное снова буду выворачивать наизнанку, рассматривать, перелопачивать, додумывать и... Наклонилась, подняла что-то...

– Нет, Настасья, ты же видишь, что на этих склонах елей нет, наверное, шишку эту кто-то потерял... или просто выбросил.

Коротко взглянула на меня, на шишку, чуть удивлённо улыбнулась, отбросила её в сторону, снова спускаемся... И не сказать, что мой предстоящий «разговор» утомителен, нет, скорее необходим, как питьё, как пища...

– А уже с полсотни ступенек осталось и сейчас выйдем к остановке, сядем в троллейбус и поедem... ага, через мост, в другой район города.

Только вот зачастую никак не могу понять: зачем жую одно и то же? Вот и с Настей вроде бы всё ясно: учительствовала в хорошей школе областного центра... да уже лет двадцать назад как... был у неё жених с квартирой, а она взяла и уехала в деревню, да и осталась там. Что тут удивительного? Бывает и такое, а я топчусь и топчусь мысленно... вроде как хочу откопать в этом её поступке какой-то другой смысл...

– Ага, хорошо, что никого нет на остановке, посидим, отдохнём...

А стоит ли искать этот «другой»? Ведь всё у нее сложилось вроде бы неплохо... правда без мужа рано осталась, но и одна вырастила свою двойню. Молодец. Молодец, что и себя не расплескала... вон какая красивая сидит, мужик-то как на неё пялится... И почему опять замуж не вышла? Спросить?

– А вот и наша «тройка», поехали...

Впрочем, не буду спрашивать, и так всё ясно. Ведь Сашку своего очень любила, а найти замену... Да и зачем ей другой? Теперь-то внуки рядом и всю любовь свою неизрасходованную – на них...

– А река под мостом называется Десной, забыла?... То-то ж...

Интересно, и почему она так часто называет себя малым каминчиком?... с непременно-ным то ли «и», то ли «ы» и ударением на этой букве? Как бабка-украинка говорила? Ведь не только же потому, что любит этих «детей» моря и они у неё в доме на каждой полке и даже в горшочках с цветами. И прибавляет ли ей это ощущение своей малости и причастности к чему-то большому силы или наоборот, унижает малостью – в общем?... Смотрит в окно, а в глазах... Нет, кажется, не замечает того, что проносится мимо, а, наверное, сейчас там, в своих Подсосонках. Село-то красивое, с одной стороны лес, с другой – поля с перелесками. Ох, и мне бы туда...

– Вот и приехали. Настасья, выходим.

И всё же... каминчик. Загадка! И едва ли моя подруга подскажет разгадку, надо самой... Да, она – сельская учительница, каких в России тысячи и тысячи и делает своё дело с любовью... как тысячи и тысячи, но, наверное, все они не...

– А парк этот совсем недавно... как сейчас принято говорить, раскинули и благоустроили. Нравится?

Наверное, все они не ощущают себя маленькими камешками», а вот она... Может тайна кроется в пережитом? Ведь тогда...

– В какой стороне Курган Бессмертия? А налево взгляни... вот погуляем по этому парку, потом сядем на троллейбус и-и поедem к нему.

Ведь в перестроечные девяностые попала Настя в отчаянное положение. Завод, на котором работала, закрылся и она металась по случайным заработкам, потом продавала то, что можно было продать, несколько раз ездила в Турцию за шмотками, торговала ими. Надо же было как-то и чем-то двоих детей кормить, вот и...

– Хорошо, хорошо, покачайся на качелях, а я здесь, на лавочке посижу.

Да-а, были тогда с ней приключения... и опасные, хотя и рассказывала про них, посмеиваясь. А разве смешно, когда с дороги впереди едущую легковушку вдруг смывает волной разбушевавшееся море, а в твой автобус влетают заброшенное волной булыжники? А когда приходилось хитрить и выкручиваться перед таможенниками, чтобы не совсем обобрали? Но прошла, прошла Настасья и через это... как и многие, а после смерти мужа...

– Что ты, Настя?.. Когда к Кургану поедешь? А хоть сейчас.

И снова смотрит в окно. молчит... А, впрочем, с ней хорошо молчится, а значит... Кто-то из мудрых сказал, что ближе сердцу тот, с кем не говорить хорошо, а молчать... и думать я бы прибавила. Так о чем я?.. А, о её муже. Красивый был, добрый и учитель такой, что ребяташки за ним хвостом бегали, а вот... Попал на вторую чеченскую и погиб. Никогда о нём не рассказывает, вот и в этот приезд ни слова. Видно, рана не заживает... Кажется задремала... а, может тоже думает о чём-то. Интересно, понравится ли ей обновлённый Курган? Теперь-то при входе стелу установили, фонтан плещет, а когда она в последний раз приезжала, то аллея плакучих рябин начиналась и осенью на фоне оранжевых клёнов парка их изогнутые ветви с красными ягодами такие грустные ассоциации будили! Но приехали мы...

– Настя-я, мой малый каминчик, хватит дремать, открывай глаза... Туда ли приехали?.. Туда, туда, просто здесь многое изменили и понравится ли тебе, не знаю.

К Фонтану сразу подошла, руки под струю тянет. Живое – к живому... Это для меня фонтан – украшение, а для нее прежде всего – вода, без которой...

– А плакучих рябин уже нет... Да, мне тоже жаль, что удалили... Ага, идём к Кургану.

Помню, как приезжала я сюда с оператором сюжет снимать о его закладке... кажется, в 67-м?.. и землю сюда привозили с братских могил области, и даже из Болгарии. Да-а, высокий Курган получился, величественный, да и пилон на нём...

– Нет, Настенька, поднимись к пилому одна, у меня нога что-то... а я вокруг Кургана обойду, и во-он там, в аллее елей подожду.

Кстати, а ведь отец Насти как раз и погиб в Болгарии, так что и он... и его частица как бы – в этом Кургане. А, впрочем, сколько их, малых каминчиков, как говорит Настя, заложено в такие Курганы по всей нашей Руси!.. Но ладно, что-то я в патетику ринулась... Поднялась уже Настя, под пилоном стоит. Маленькая-то какая по сравнению с ним!.. Вдаль смотрит. А даль эта удивительная! Десна – полукругом, за ней – поля, леса... Но снова – к Насте, и опять в те, девяностые, когда... Как же она вытягивала свою школу, получая... вернее, иногда и совсем не получая зарплаты! Рассказывала, как со своими учениками пришкольный участок пришлось сделать огородом и выращивать овощи, а потом всю зиму кормить ребят завтраками из них... Уже спускается Настасья... И самое удивительное в ней то, что...

– Чудесная красота – от пилона?.. Да знаю, знаю. А осенью бывает и еще чудесней, когда дали – ковром пёстрым... Ой, едва ли приедешь любоваться, знаю тебя. Ну как можешь покинуть хотя бы на пару дней своих любимых учеников?.. То-то ж... О нет, Настенька, на колесобозрении у меня голова кружится, давай ты на нём – одна, а я здесь, под ним... обозревать буду.

А ведь и впрямь получилось, будто я обозрела её жизнь... но так и не нашла ответа на собственный вопрос: ну почему называет себя малым каминчиком? Ведь это – не просто так, а, значит, ощущает себя им... С молодыми в кабинку попала, машет мне, улыбается... Да, молодец Настасья! При всех невзгодах сумела сохранить в себе умение радоваться жизни. Да и не жаловалась никогда на трудности... будто так и надо, будто другой жизни у малых...

вот-вот, так и есть! Такие, как Настя и есть незаметные малые каминчики... основа всего, что построено, создано, сохранено, спасено... Снова я – в патетику? Но ведь так и есть! Безымянными «камушками», не претендующим на славу, легли такие, как её отец, муж, да и она сама в «фундаменты и стены» того, что... Что потом было названо именами тех, кто зачастую и вталкивал их в новые и новые испытания... Уже стоит возле колеса, что-то говорит своим «попутчикам». Ну как же, учитель всегда остаётся учителем. Подойти, послушать, о чем она – им?... а заодно провокационно подбросить что-то из своих раздумий? Интересно, как отнесётся хотя бы к этому:

– Настасья, а не рассказали ли ты молодым людям о тех, в чью память заложен этот Курган? О своём отце, муже...

Взглянула-то как!.. И только головой качнула. Знаю: смутилась... Прощается с ними. Значит, права я? Значит, именно в этой молчаливой покорности создающих каминчиков и таятся истинные основы жизни, а имена громко возвеличенных «вершителей судеб» – наносное, не настоящее?

– Да, теперь домой идём, поди, уже проголодалась?... А я – уже.

Сказать ей о моих раздумьях?... Нет, пожалуй, не скажу. Зачем? Пусть мои домыслы останутся со мной, ибо услышанное лишь опять её смутит и ничего в ней не изменит.

Выкупленная радость

– Так всё же это ты... – И на том конце связующей нас «нити» мужской голос то ли с облегчением, то ли с радостью выдохнул: – А ведь надежды почти не было. Мало ли Галин в моём родном Карачеве! Но вот позвонил и оказалось... Да Сашка я, Сашка Коротин! Помнишь, как для ребятишек кукольные спектакли ставили?.. Ну как же, как же! А кукол, которых вы, девчонки сами делали?.. Обещаешь вспомнить... то-то ж... Как узнал твой номер? Да на твоём сайте... Да-да, заглядывал, читал, а когда наткнулся на «Ведьму из Карачева», то и мелькнуло: а вдруг это она? – И рассмеялся. – Даже не верится, что такой подарок судьба подбросила. Я ведь давно хочу заглянуть в «страну своего босоного детства», но всё – никак, а вот теперь... А теперь скажи мне свой мейл и где живёшь... Недалеко от Карачева? Значит, если приеду, то съездим вместе?.. Вот и хорошо, вот и договорились.

И вспомнила... Простыня, привязанная к двум колышкам, а за нею с одной стороны мы, а с другой босоногие зрители, девчонки и пацаны с соседних улиц. Их всего-то с десяток, но мы рады: вот же пришли, пришли по объявлениям, вчера расклеенным на деревьях и заборах: «Приглашаем на кукольный спектакль „Гуси-лебеди“ около дома №9 в 17 часов.» Наши самодельные куклы еще тихо лежат в корзине, но, наверное, тоже волнуются, как и мы: я, моя соседка Тонька, Аллка, живущая в другом квартале за церковь, Лариска из-за речки и Сашка, примкнувший к нам девчонкам потому, что любит читать стихи. А учит их все, попадающиеся на глаза в книгах, газетах и потом нам, уставшим после шумных игр и притихшим в подступивших ночных сумерках, читает: «Шли пионеры вчетвером в одно из воскресений, как вдруг вдали ударил гром и хлынул дождь весенний...» А еще был Сашка нашим художником, рисовал и для того спектакля лес, печку, яблоньку и даже ёжика на картонке, которого мы потом вырезали. Ну а действующих лиц сказки, – Машеньку, Иванушку и деда с бабкой, – мы уже делали сами, выпрашивая у мам и бабушек их сносившиеся платья... Ах, эта очаровывающая пора детства, когда ценностью кажется каждый пёстрый клочок и настоящим кладом вдруг найденный в огороде кусочек когда-то бывшей тарелки или чашки... Но что еще помню о Сашке? Да, был он белобрыс, голубоглаз... мать у него была учительницей, может, поэтому и стихи любил, и не только любил, но вживался в них так... Да-да, помню, как перед нашим спектаклем читал вот это: «Там, вдали за рекой, загорались огни, в небе ясном зоря догорала, сотня юных бойцов из будённовских войск на разведку в поля поскакала...» И вспомнилось именно оно потому, что сама любила петь эту песню, когда оставалась одна дома, поэтому и до сих пор не забылась: «Они ехали долго в ночной тишине по широкой украинской степи, вдруг вдали у реки засверкали штыки. Это – белогвардейские цепи. И бесстрашно отряд поскакал на врага...» А вот когда Сашка доходил до этих строк, то голос его становился громче, он поднимал руку, взмахивал ею, словно в ней была сабля, а потом... Да, помню, как на том нашем спектакле на словах: «Он упал возле ног вороного коня и закрыл свои карие очи...» Сашкин голос вдруг задрожал, он замолчал и, не закончив, нырнул к нам за растянутую простыню, плюхнулся на траву, прошептал: «что я честно погиб за рабочих» и на его глазах я увидела слёзы... увидела и, конечно, удивилась: чего он? Тогда моему совсем еще юному сердцу не было дано почувствовать того, что смог он, Сашка... Вот, пожалуй, и всё, что вспомнила о нём... и не удивительно, потому что вскоре его семья уехала в другой город. И вот теперь он пообещал приехать. Но пока через несколько дней в Яндекс-почте я открыла такое письмо от него:

«Признаться, я тоже пишу помаленьку, но никуда не помещаю, просто для меня это – хобби. Ведь иногда наткнёшься на какое-либо откровение вроде твоего, и вдруг появится интерес: а как я?.. кем был, кем стал? И начнёшь копаться в себе, а потом прятать строчки в компью-

тер. Пройдёт какое-то время, откроешь файл, прочитаешь и удивишься: а вроде бы – ничего! Может ты помнишь, как я любил стихи? А если не помнишь, то скажу: да, любил. И очень! И когда подрос, сам пробовал писать. И не только писать, но и посылать в газеты, журналы, но оттуда получал почти одно и то же, как под копирку написанное: „Читайте поэзию классиков.“ Вот и решил: хватит баловаться, надо искать настоящую профессию, которая даст деньги. И нашел. Хотя и с большим трудом, но открыл своё дело, так что живу хлопотно, но деньги есть. Семья, дети довольны, а сам... Понимаешь какое дело: всё вроде бы у меня получилось так, как хотелось, но чего-то не хватает. Для души не хватает. И часто вдруг оглядываюсь с вопросом: „А всё ли со мной так, как должно быть?“ Словно что-то по дороге потерял, а найти не могу. И потому не могу, что не знаю: а что искать-то? Ладно, ты уж извини. Нажаловался. Но мы обязательно свидимся. Свидимся, поговорим, съездим в Карачев. Я относительно недалеко от тебя живу, так что жди.»

И после этого Сашка... а вернее теперь уже Александр замолчал. Но недавно посыпались от него короткие письма... нет не письма, а отрывки из его записок. И написаны они так, словно исповедуется перед самим собой. Недоумевала: зачем присылает их? Ведь не объяснил этого. Но не спрашивала, ибо у меня был свой резон: всегда интересно наблюдать за «работой» чьей-то души, а эти наброски открывали нечто новое, поэтому, выбрав из них то, что раскрывало суть того, чем он занимается, составила из них такой «дайджест»:

«Наверное, кто-то думает, что свободный предприниматель валяется в кровати до обеда, потом выпивает в кафе свой смузи, не спеша идет в офис, читает прессу, смотрит телевизор... О нет! Уже с утра тебя начинает подбрасывать от телефонных звонков и от мыслей, а к вечеру даже тошнит от них. Ноловишь и кайф, это даже бодрит! Как и то, что знаешь: только от тебя всё зависит. И вся бюрократия – ты сам.»

«Завидую бизнесам, у которых есть финансовая подушка с оборотами в несколько сотен миллионов, с кредитным плечом и овердрафтом в хорошем банке. А я – где-то посередине. У меня – микробизнес. Цех. Двенадцать рабочих. Десятки заказов в месяц. И всё вроде бы нормально, – сбиваются деньги, которые уходят на НДС, налоги, аренду, – то есть живу здесь и сейчас. Сколько „монет“ есть на счете, столько и распоряжаюсь, а если нет, беру в долг у сотрудников, поставщиков.»

«Решения надо принимать каждый день, каждый час, минуту. Покупка станка, согласование макетов, утверждение прототипов, утилизация материалов, увеличение сдельного контракта... Как же это утомляет! Поэтому, когда приходишь домой, тебе уже не до детей, не до жены, и самое успокоительное – коньяк.»

«Нет более суеверных людей, чем мы, предприниматели. Покормить дворовую собаку, перевести старушку через дорогу, обязательно помыть машину перед Новым годом – секретные знаки, в которые веришь для удачи, для очистки кармы. А если не везет, если непряжа, то начинаешь сомневаться: а тем ли занимаюсь, так ли поступаю с теми, с кем связан? И такое начинается! Хоть вешайся. И учишься признавать свои ошибки, брать на себя всю вину, когда надо просто остановиться, сказать: „Я не прав“ и идти дальше.»

«Не любя заниматься тем, чем занимаешься, нельзя. И даже смотреть на тех, кто нехотя исполняет твои поручения – не так заливает растворы, фрезерует – невозможно.»

Когда прочитала эти, заинтересовавшие меня и собранные в один текст заметки Александра, то тут же спросила себя: а дальше что... для чего мне это нужно? Но тут же мелькнуло подсказкой: а, может, пригодится «автору»? И в тот же вечер отослала ему текст с припиской: «Александр (или можно – Саша?), высылаю Вам (или можно – тебе?) из присланных текстов то, что показалось интересным, со своими короткими комментариями. Не знаю, зачем это делаю, но, может, быть, мой свежий взгляд что-то подскажет?» Но он не ответил, а я, боясь быть навязчивой, не писала ему. Но, привыкшая вдумываться в то или иное явление или человека, всё никак не могла совместить того мальчика из детства, так любящего стихи и теперешнего

коммерсанта, – ну как могли ужиться в одном человеке тот и другой? Ведь тот Сашка умел видеть себя в тех, о ком читал, он словно поселялся в душе другого, как бы предчувствуя беду, которая могла постигнуть и его. Да, наверное, взрослость его «излечила», но раз задаёт себе тревожащий вопрос: «А всё ли со мной так, как должно быть?», то значит, что в глубине его души остались ростки прежнего.

А потом он прислал вот такую притчу, коротко предварив словами: «Прочитай. Услышал по радио, потом нашёл в Интернете. Приеду, поговорим».

«Однажды добрый человек попросил Бога: «Господи, если можешь, покажи мне, пожалуйста, Рай и Ад.» И Господь подвел его к двум дверям, открыл одну из них и тот увидел бесконечно длинный стол с котлами на нём, в которых была пища, от которой исходил такой вкусный запах, что у доброго человека слюнки потекли. Но люди, сидящие вокруг стола, выглядели умирающими от голода, хотя у каждого к руке была прикреплена ложка с длинной ручкой, которую он мог наполнять едой, но так как ручка была слишком длинной, то поднести её ко рту было невозможно. Добрый человек был потрясен их несчастьем, а Господь сказал: «Ты увидел Ад. А теперь покажу Рай.» И отворил другую дверь. Но человек опять увидел такой же длинный стол, такие же чаши на нём, и люди держали такие же ложки с длинными ручками, но выглядели сытыми и счастливыми. «Я ничего не понимаю» – сказал добрый человек, взглянув вопросительно на Господа, а тот ответил: «Всё очень просто. Тех, которых видишь, научились кормить друг друга, а те, которых ты уже видел, думают только о себе».

И через несколько дней Александр приехал на машине, остановился в гостинице и на другой день повёз меня в наш «город босоногого детства». Весна набирала разбег, за окном мелькали распушившиеся кроны берез и омытые первыми дождями помолодевшие ели, сосны, у обочин, отражаясь в озерах воды, мелькали желтокрылые стайки калужницы. Странно, но он часто замолкал, словно додумывая что-то, а я, не решаясь потревожить его неуместным вопросом, тоже помалкивала, любясь свежими красками весны. Но вдруг, после одной из затянувшихся пауз, услышала:

– Ты знаешь почему я прислал тебе ту притчу? – И лишь взглянув на меня, продолжил: – А потому, что... Короче, ехал я однажды вот так... долго ехал и от усталости, чтобы встряхнуться, включил радио. Включил и слышу только это: «Всё очень просто. Те, которых видишь, научились кормить друг друга, а те, которых ты уже видел, думают только о себе». – И усмехнулся: – Ну, меня и заинтересовала эта фраза, запомнил её, а когда приехал домой и отдохнул, в Интернете по ней нашел всю эту притчу. – Снова коротко взглянул: – Спросишь, наверное, а что в ней зацепило, да? – Я лишь улыбнулась: пусть сам ответит на свой вопрос. Но он не ответил, а заговорил совсем о другом: – Когда женился, надо было обеспечивать семью, вот и закрутилось колесо, заработала голова и надо было прежде всего думать о семье, детях, надо было зарабатывать больше, больше, а сердце... моё сердце, которое в детстве на всё отзывалось... – Помолчал и вдруг тихо почти пропел: – «И бесстрашно отряд поскакал на врага, завязалась кровавая битва, и боец молодой вдруг поник головой...» – Взглянул: – Помнишь?... Так вот, потом душа моя под доводами разума словно умолкла... – Махнул рукой: – Да нет, замечал, замечал я в своей суете несчастных, страдающих, но спешил мимо... не приближаясь. Будто боясь чего-то. А однажды поехал в районный городок улаживать кой-какие дела и случайно познакомился с одним мужиком. Разговорились. И оказалось, что он тоже предприниматель, но и волонтер, и сейчас ездит по району, хлопочет о том, чтобы сделали ремонт в детском доме, в котором туалеты на улице, а зимой дети замерзают из-за никудышного отопления. Да и не только об этом рассказал... И знаешь, я как-то не поверил ему... или не хотел верить?... а он, видать, это почувствовал, потому что когда я всё еще ждал улаживания своих дел, предложил: «Может, съездишь со мной в соседний детдом? Тут недалеко...» Я и поехал. А по дороге Сашка... тёзкой оказался, рассказал о том, через что ему приходится проходить, чтобы добиться элементарной помощи этому детдому, ведь начальники далеко не все откли-

каются сразу, их надо вначале раскачивать, расшевеливать, а то... Один так прямо ему и ляпнул: «Ну что вы хлопочите? Дети относительно сыты, обуты-одеты, а большего им... Ведь рождены-то в основном от пьяниц».

Александр замолчал, вглядываясь в замелькавшие окраинные домики – уже въезжали в Карачев – и мне подумалось: жаль, что не досказал о той поездке... но ладно, сейчас ему не до этого, так что расспрошу, когда назад будем ехать. И, ободряюще улыбнулась:

– Наверное, волнуешься и не узнаёшь город? Ведь столько лет...

– Да, конечно. Пока всё, всё другое. Но, может, там, в наших кварталах что-то осталось прежним? Едем туда.

– Осталось, – загрустила я. – Но мало, ох как мало! И даже мой родной дом уже не мой.

– Как так? – взглянул живо.

– А вот так... Попал в чужие руки, так что очень грустно будет встретиться с ним.

Когда выходили из машины в наших кварталах», то мне всё думалось: ну что он ищет и что найдёт здесь, среди постаревших свидетелей прошлого? Ведь вместо той, покрытой травой-муравой полянки возле моего дома, на которой устраивали спектакли, теперь была наезженная дорога к новым застройкам, а меж когда-то родных окон висела табличка: «Продаётся», да и на месте его хаты возвышался красивый особнячок, огороженный темно-вишнёвым забором. Но Александр больше помалкивал и по его лицу, глазам было трудно понять: что же происходило в его душе? И тогда, чтобы приоткрылся, я «плеснула» своим настроением:

– Нет, и всё же встречаться с прошлым грустно.

Но он лишь пригласил в машину:

– А давай-ка доедем до парка. Помнишь, как висели на его ограде, когда бегали смотреть концерты заезжих артистов? Там, наверное, мало что изменилось... ну, может, только деревья подросли.

Когда ехали назад, Александр снова помалкивал. Да, ожидание даёт большее, нежели сбывшееся, убеждалась в этом не раз, а как – он?.. и что дала ему эта встреча? Спросить или подождать?.. Но он вдруг заговорил:

– Знаешь, после той притчи, которую прислал тебе, я как-то пристрастился к ним. – Коротко взглянув, усмехнулся. – Наверное, подумала: в детство впадает, да?

– Да нет... что ты! Притчи – для любого возраста, недаром Христос часто говорил притчами...

– Ну, тогда... – И он, вздохнув, заговорил медленно, словно читая: – Однажды некто гулял по морскому берегу и увидел старца, который поднимал с песка морские звезды, выброшенные штормом и бросал в море. Ну, и говорит ему: «Не напрасна ли Ваша работа? Ведь под ногами тысячи морских звёзд и что изменится, если спасёте немногих?» Тогда старец поднял еще одну: «Но я изменю многое хотя бы для этой звезды!» – и бросил её в море. – Саша замолчал, и я почувствовала, что сейчас скажет то, о чём и хотелось узнать. – Так к чему я это... Тогда, при поездке в детдом, когда увидел детишек... они как раз гуляли во дворе и окружили нас... я словно очнулся. Да-да, именно так! Ведь они смотрели на нас такими глазами! А потом, когда тёзка раздал им подарки и мы уходили, то всё бежали за нами и кричали: «Дяди, дяди, приезжайте еще!» – Александр хлопнул рукой по рулю. – И как после этого было не приехать еще раз, потом еще, еще... С тех пор и попал к ним в плен. Да и каждый раз вместе с Сашкой заново попадаем, когда приезжаем в другие детдома, привозим подарки, что-то ремонтируем, исправляем. – Опустил боковое стекло, вытянул руку, как бы пытаясь поймать струю ветра. – Знаешь, простое сочувствие, которое во мне было раньше – неважная милостыня, его надо материализовать, вот и я... Да нет, не так уж много зарабатываю, но сколько могу, отдаю и после каждой поездки в детские дома словно омываюсь... словно оживает моя та, детская душа, которая умела втискиваться... нет, вживаться в людей. – Положил руку на руль и почти прошептал: – «Он упал возле ног вороного коня и закрыл свои карие очи...»

– Да-да, помню, как ты однажды не дочитал эти строки и слёзы у тебя...

Но Александр не услышал меня:

– Вот и получилось, что я у прошлого... – Несколько раз разжал-сжал пальцы, лежащие на руле. – У прошлого сам себя выкупил. Да-да, именно выкупил, – вдруг светло улыбнулся найденному слову. – И оно с благодарностью отозвалось во мне. – Помолчал и сказал совсем тихо: – И вместе с семьёй в этом моя истинная радость.

«Говорящие» вещи

Она идёт рядом и смотрит под ноги, хотя уже несколько раз я пыталась отвлечь её взгляд на сосны, освещенные низким солнцем, на игру светотеней меж листьев начинающего желтеть клёна, на серебристую канву розоватых облаков... Нет, только – короткий взгляд, кивок и опять... И «опять» о том, с чем пришла ко мне: дети хотят её осчастливить, – сменить мебель, а она... «Ну не хочу! Не хочу менять!» – слышу от неё не раз с новыми интонациями, и уже не пробую дать совет, когда жалуется: «Ну как же не поймут, как не оценят того, о чем я...»

Дина живёт одна уже почти два года и когда спрашиваю: «Не скучно тебе?», отвечает: «Да нет, ведь у нас с Юрой друзей почти не было, а теперь... Так что привыкаю – и без него. А, впрочем...» И, как оказалось, с этим самым «впрочем» сегодня и пришла ко мне.

– Ты знаешь, каким-то удивительным образом для меня стали оживать вещи, предметы и даже те, которые раньше вроде бы и не замечала... (Кивнула на скамейку, жестом пригласила сесть) А теперь они словно приглашают меня в собеседники, чтобы вспомнить моменты их появления и даже слова, которые при этом были сказаны. (Взглянула, чуть заметно улыбнулась.) Не веришь? И удивляешься... Знаю, знаю, не отказывайся. И даже знаю, что скажешь: не чуди, мол, выбрось из головы, да?.. Ну вот, почти угадала. А я не могу оттолкнуть их... оживших, не могу выбросить из головы то, о чём – с ними... А потому, что вести диалоги... ну, с вещами, картинами, книгами, фигурками, папками и даже с запонками для меня становится необходимостью, которая как раз и спасает от одиночества... (Снова взглянула, но с искоркой упрямства.) Да-да, и даже в эти мгновения создаётся вокруг меня мир, населенный не только словами, но и запахами тех мгновений, когда... (Замолчала. Нырнула в одно из мгновений?) Вот вчера... сижу на диване и вдруг... (Смотрит на крону молодой липки, молчит.) И вдруг он, этот привычный диван, словно заговорил... подсказал, как мы его покупали и как Юра... Ты же знаешь, он был впечатлительный, вот и... Помню, подошли к мебельному магазину, возле него несколько человек стоит, а перед ними, прямо на тротуаре, лежит кто-то... газетами прикрытый, только кроссовки синие видны. Ну, я тоже остановилась, смотрю... потом глянула на мужа, а он бледный, вот-вот в обморок упадёт. Взяла его под руку, повела в магазин и... Да что-ты, конечно не купили, не до дивана стало. И даже когда домой троллейбусом ехали, то не сел, а стоял на задней площадке и, вцепившись в поручень, всё глядел и глядел в окно... Да понимаю я... умом понимаю, что не диван всё это мне подсказал, а моя память, но всё чаще кажется, что... Нет, не перейдёт это в болезнь, не бойся, я же врач и слежу за собой... И бороться с этим не буду, пока не пойму: а нужно ли? Ведь такие диалоги с вещами ничего плохого не делают, а только возвращают то, что могло бы навсегда уйти... (Помолчала, вроде бы и не услышав меня, но...) Еще тебе – что-то? Ну, хорошо, слушай. И об этом рассказал мне портрет Юры, случайно обнаруженный мной на одной из страниц старой газеты вместе с отрывком из его повести... и, кстати, газеты эти дети тоже хотели выбросить. (Вздохнула, резко выдохнула, махнула рукой.) А-а, ладно... я же о портрете тебе хотела... Так вот, был у Юры друг... Нет, не детства, но уж очень одинаково относились к тому, что видели, слышали, читали, да и к тому, что до определенного времени в стране происходило, а когда началась Перестройка... Ну да, девяностые, демократы, совсем другие газеты, телевидение, вот тогда и начали спорить. И спорили так, что мне всё труднее и трудней становилось их успокаивать, мирить, а потом... Нет, не подрались, а разошлись по разным газетам... Ага, мой перешел во вновь созданную, а Сашка остался верен прежней, партийной, за что редактор его и повышал. Короче, стал он там делать карьеру, ему даже отдельный кабинет выделили... Конечно, было за что, ведь он настолько не принимал перемен, что стал отождествлять их с моим Юркой и даже... (Достала из сумочки пачку сигарет, встряхнула, но зажала в кулаке.) А вот что сделал. Повесил в кабинете портрет

Юры, вырезанный из той же газеты, и стал в перерывах метать в него дротики... Не веришь? Но так было! А когда Юра узнал об этом и, позвонив, спросил: это, мол, правда, что ты в мой портрет... то Сашка ответил: «Ну, знаете, что касается Вас, то я пренебрегаю всеми моральными нормами». Представляешь?.. А что – я? Надо было пойти и закатить ему скандал?.. Тот же. Он всё равно потом метал бы свои дротики, поэтому попыталась просто успокоить Юру: да забудь об этом, время дуэлей прошло, так что... (Встала, шагнула вправо, влево, остановилась напротив, жестом пригласила идти.)

Моя странная подруга... Но эти её странности как раз и привязывают меня к ней, ибо вдруг подбрасывает загадки своими поступками, размышлениями, неожиданными выводами из прочитанного, услышанного, увиденного, вот и теперь... Но, пожалуй, пока отвлеку её от начатого разговора до следующей встречи и «обращу её взор» к тому, что дарит приближающийся вечер в этом старом парке, дорожки которого, изрезанные тенями деревьев, похожи сейчас на переходные «зебры», а меж тёмных стволов с шапками уже не яркой листвы, кое-где украшенной желтыми пятнами, весело прорывается бирюза неба. И мне удаётся заставить её увидеть всё это, – хотя и идет молча, но знаю, напивается увиденным, успокаивается и слышит этот осенний галдёж грачей, «договаривающихся» о скором перелёте в более теплые края.

Она снова пришла через несколько дней с просьбой помочь купить ей диктофон, и когда ехали троллейбусом в магазин, я спросила:

– А зачем он тебе?

– Ну, как зачем? Буду записывать свои беседы... ага, с предметами. Ведь они постепенно уходят, а я хочу сохранить их рассказы не только о Юре, но и о себе самой, той, которой была когда-то. Вот вчера дети предложили продать мой старый магнитофон, а я на полке, где он стоял, обнаружила катушку с записью Юриного рассказа о том, как мы ездили в районную типографию за его, отпечатанной там книгой, ну и прослушала её. (Отвернулась к плачущему дождинками окну, помолчала.) И столько вспомнилось!.. Нет, без его рассказа не вспомнила бы, уже забылось, а вот голос... (Пальцем проследила след сползающей по стеклу капельки.) И странно, даже мелочи замелькали, вроде такой: когда ехали назад и допивали из термоса чай, то при повороте я немного пролила себе на брюки, огорчилась, а Юра протянул мне носовой платок, чтобы вытерла мокрое пятно и пошутил: «Будем считать, что ты первой обмыла мою новую книгу.» А если не о мелочах... (Указательным пальцем накрыла еще одну каплю, но та медленно выплыла из-под него и заскользила вниз.) Кстати, тогда вот так же моросил и моросил дождик, и так же на стеклах тяжелели и сползали капли. Но осень была поздняя и как же красиво смотрелись поля ярко-зелёной озими, за которыми иногда виднелись стайки желтых берез, темно-зеленых елей... не то, что сейчас. (Отвернулась от окна, взглянула.) Нет, о дожде в той записи Юра даже не упоминал, это я сейчас... после его рассказа о том, с какими приключениями ехали... А с такими. За каких-то шестьдесят километров две аварии увидели, ведь дорога мокрая была, скользкая, вот и... Нет, не страшные. Одну машину прямо перед нами так занесло, что оказалась на другой стороне дороги, но уже развёрнутой в обратном направлении, а другая... Юра только и записал: в кювете – перевёрнутая повозка с кирпичами, рядом – машина ГАИ, в «Скорую помощь» заносят кого-то и тут же мечется мужик с окровавленной головой и руками... (Приподняла руку и словно отряхнула её.) Говоришь, лучше не вспоминать такое?.. Может быть. Но понимаешь, когда что-то возвращается, то ниточкой тянет за собой еще, еще... и так, цепляясь одно за другое, наша память... мозг наш разгоняется, а не дремлет, и в медицине эти действия поддерживаются нейрометаболическими стимуляторами, которые... Ой, прости, не буду грузить тебя медицинскими терминами, надеюсь, суть ты уже схватила... да как раз и приехали.

И всё же, встревожившись за Дину, я заглянула в Интернет, чтобы подробнее узнать о тех стимуляторах, которые, как она выразилась, разгоняют наш мозг. «Нейрометаболические стимуляторы или ноотропы (греч. *noos* – мышление, разум; *tropos* – направление) – средства, оказывающие позитивное влияние на высшие интегративные функции мозга и улучшающие умственную деятельность, стимулирующие познавательные функции, память.» Ну что ж, по-видимому ноотропы нужны некоторым людям, и Дина уверена, что ее разговоры с вещами – то же. Но помогут ли они ей? Да еще записанные на диктофон. Понимаю, ей одиноко, но не опасно ли заполнять пустоту только прошлым и искать утешения не у людей, а у вещей? Нет, не известно во что может вылиться её увлечение, поэтому, когда придёт, обязательно поговорю с ней.

Её не было почти две недели, а когда пришла, то я сразу поняла: что-то случилось. А она молча прошла в комнату и когда я, возвратившись на кухню, чтобы выключить горелки, вошла в зал, Дина стояла на балконе и смотрела вниз на верхушку буреющего каштана, под которым желтыми шариками были рассыпаны цветы «Золотого шара».

– Скажи, а ты решилась бы расстаться с этим двором? Ведь знаю, что он для тебя что-то вроде каждодневной маленькой радости... Спрашиваешь, почему спросила? (Обернулась ко мне, улыбнулась.) Да так... просто так. А, впрочем... (Прошла в зал, села на диван, взглядом стала перебирать то, что стояло на книжном шкафу.) Ведь и ты что-то вспоминаешь, когда смотришь... ну, хотя бы во-он на тот кувшинчик, да?.. То-то ж. Так – и я. Поэтому и... (Отвернулась от меня. Заплачет? Нет, взглянула, грустно улыбнулась.) Вчера прихожу домой, а в коридоре на тумбочке стоит керамический чайник с такими же чашечками, который мы с Юрой купили, когда ездили в Сочи кататься на лыжах... А как ты думаешь? Конечно, удивилась. Но прошла в свою комнату, а в ней – новый диван и новый книжный шкаф. Звоню дочке, благодарю... Ну да, была против, но они же старались, верили, что обрадуют этим, так как же не поблагодарить? А я, хотя и огорчилась, но... (Встала, подошла к окну, постояла, резко обернулась.) А потом спрашиваю: а чайник, чайник то почему у порога стоит? Отвечает: он слишком большой и грубый, определи его куда-нибудь или подари, вынеси во двор, может, кто возьмёт, а мы тебе фарфоровый подарим, расписной. Ну, скажи, зачем мне расписной? Ведь в моём керамическом – целая история... память, тепло памяти! Так живо помню, как мы его выбирали, как упаковывали, потом в ожидании поезда сидели в чужом дворе, пили чай из термоса, ели вкусные булочки, как потом в вагоне бережно ставили его на верхнюю полку и боялись: не упал бы... (Снова присела на диван, достала из сумочки диктофон, зажала в ладони.) Да ладно, не ахай и не сочувствуй, чайник этот с собой заберу... Куда-куда. В деревню, в мамин дом. И не только его, но и всё, что детям кажется ненужным, то что они без всякого сожаления могут выбросить... Ага, вот выйду на пенсию, оставлю им квартиру с новой мебелью и уеду в деревню... Не веришь? Не привыкну – без удобств?.. (Деланно почти рассмеялась.) Ха-ха! Но зато со мной будет моё... моё привычное, моё, наполненное прошлым, которое и даёт мне ощущение жизни, а не эти новые красивые вещи, которые мне предлагают дети... (Горестно усмехнулась.) Неживые вещи, холодные. И уже не успею наполнить их греющим воспоминанием, не успею. Да и не хочу. А поэтому уеду к привычному, родному... Улыбаешься? Не веришь и осуждаешь? А ты не торопись, может еще и хвалить станешь, когда... (Пальцем погладила диктофон.) А вот, послушай моё... после того, как спасла от детей и напольную вазу, которую тоже хотели... (Включила, и я услышала.)

«Я помню. И было это в девяносто первом. Тридцать первого падал и падал снежок, к вечеру подморозило. Со двора Юра принёс несколько еловых веток, дочка поставила их в напольную вазу, повесила игрушки и сразу стало уютно, запахло елью. Потом дети накрывали на стол, а я сидела в уголке дивана и мне не хотелось даже пошевелиться. И потому, что устала от хлопот на кухне, но сейчас радовалась: как же здорово, что за полтора месяца до Нового

года удалось кое-чего натаскать и теперь даже перед голодной Россией стыдно. Вчера-то захожу в магазин, а на прилавках – ни-фи-га! Совсем пусто. Только на одном лежат пачки сухой горчицы, еще какие-то приправы да мороженое фруктовое. Ближе к полуночи выпили за прошедший год, встретили Новый. Наш старенький телевизор работал хорошо и шел совсем неплохой концерт. Ну, что еще человеку надо? Да и утро за окном вспыхнуло с чистым, не истоптанным снежком и я с час бродила по соседним, почти деревенским улочкам, с моим черным котом Найсом за пазухой. „Жизнь прекрасна!“ Кажется, так назывался итальянский фильм, который тогда шёл в кинотеатре.»

(Выключила диктофон, растроганно улыбнулась.) Ну и как тебе моё бормотанье?

И Дина всё же уехала в деревню, которая была в тридцати километрах от города. Правда, вначале взяла отпуск, чтобы ухаживать за инсультной матерью, а когда та умерла, то продлила его за свой счет, а потом так и не возвратилась в свою квартиру, – ведь медики везде нужны и к ней сразу потянулись люди со своими «болячками». Иногда она звонила мне и из наших диалогов я поняла, что ей нравится быть нужной именно этой горстке людей, не чаявших в ней души.

Какое-то время спустя, и я съездила к ней. Была ранняя осень. Мы сидели на крылечке с традиционными лавками по бокам от входной двери, перед нами, на низком столике, сооруженном Диной из двух дощечек, чуть слышно шумел самовар и стоял тот самый керамический чайник с чашками, который дети предлагали куда-либо «определить». И пахло дымком от осенних костров, стайка берёз напротив домика, утратив девственно-зелёную яркость листвы, уже вплетала в косы золотистые пряди... и было так тихо! Лишь иногда с конца улицы долетали возгласы играющих во что-то ребятишек, мычанье коровы, тявканье собаки, крик петуха. Я смотрела на мою подругу и видела: да, что-то изменилось в ней. Но что? Не могла понять. Будто образовалась вокруг неё некая исходящая аура, лучи которой не только не проникали в меня, но даже разъединяли. Почему? Ведь так хотелось, впитав их, почувствовать теперешнюю душу Дины! Да и не только почувствовать, но и перенять тихую успокоенность... Да, да, именно успокоенность появилась в ней! И та самая, которая непременно тает, размывается там, среди всегда спешащих, страждущих чего-то большего людей большого города, в который должна возвратиться и я.

Старые деревья

Настя приехала... вернее, её привезла к себе из деревни моя не столь давняя соседка, и ей, её матери, уже восемьдесят семь, и живёт она одна там, в её поредевшей деревне и старой хате, а когда дочь начинает упрашивать переехать к ней, то слышит: «Нет-нет! И не говори мне этого! Старые деревья не пересаживают.» И знаю эту фразу потому, что её дочь повторяет её каждый раз, приезжая от матери, а теперь воочию и я вижу эту непокорную старушку. Такие лица, как у неё, мне всегда напоминают... как не странно, мочёное яблоко, – ничего, что всё исполосовано морщинками, но под ними непременно скрыто то, отчего испытаешь некую утлённость. Да и глаза... Она сидит на кровати, укрыв плечи одеялом, смотрит на меня с улыбкой и в её, утративших голубизну глазах... словно извинение. Ну, что ответить на этот взгляд? Ведь вижу-то её впервые. И чтобы начать разговор, отталкиваюсь от тех самых её слов, которые стали для дочери и меня чем-то вроде «стоячей фразы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.